

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

въ конторѣ редакціи, на Эриванской площади, въ домѣ Харазова, № 3, въ Тифлисѣ.

Контора открыта ежедневно отъ 9 до 2 и отъ 5 до 7 часовъ вечера.

Цена отдельнаго номера 20 к.

ФЛАЖКА

ХУДОЖЕСТВЕННО-ЮМОРИСТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

Съ доставкою на домъ:
 На 1 годъ. . . . 8 р. — к.
 „ 6 мѣсяцевъ. . 4 „ 50 „
 „ 3 мѣсяца. . . 2 „ 50 „

Съ разсылкою по Имперіи:
 На 1 годъ. . . . 8 р. 50 к.
 „ 6 мѣсяцевъ. . 5 „ — „
 „ 3 мѣсяца. . . 2 „ 75 „

Безоблачно небо, нѣтъ вѣтру съ утра,
 Въ большомъ затрудненіи торчатъ флюгера:
 Ужъ вагъ ни гадаютъ, никакъ не добьются
 Въ которую сторону имъ повернуться.

Д. А. МИЛЮТИНЪ

Петербургскія газеты принесли намъ извѣстіе, что вслѣдъ за гр. Лорисъ-Меликовымъ и г. Абаза, вышелъ въ отставку и гр. Дмитрій Алексѣевичъ *Милютинъ*.

Такъ какъ, по нашему мнѣнію, Д. А. Милютинъ былъ не только военнымъ министромъ, но и „министромъ цивилизаціи“ (да будетъ позволено употребить такое неупотребительное выраженіе), то отставка такого министра является въ настоящее время событіемъ чрезвычайной важности.

Предоставляя „Русскому Инвалиду“

говорить о бывшемъ министрѣ съ военной точки зрѣнія, мы скажемъ о немъ нѣсколько словъ съ общечеловѣческой.

Величайшая человѣческая идея, идея справедливости, обязана Д. А. Милютину всесловной воинской повинностью въ Россіи.

Вторая величайшая въ мірѣ идея, идея прогресса, обязана ему грамотностью русскаго солдата.

Наконецъ, третья великая идея, идея гуманности, обязана ему упраздненіемъ въ русскихъ войскахъ тѣлеснаго наказанія.

И это въ то время, когда въ нашей

гражданской жизни порча все еще пользуется правомъ гражданства!

Въ послѣднюю нашу войну, благодаря Д. А. Милютину, даже представители наиболѣе цивилизованной страны (и наиболѣе враждебной намъ), Англіи, принуждены были сказать о русской арміи: „это армія джентльменовъ!“

Этихъ данныхъ болѣе чѣмъ достаточно, чтобы каждый истинный русскій гражданинъ приполю къ убѣжденію, что съ рѣшомъ въ отставку Д. А. Милютина Россія лишается одного изъ лучшихъ своихъ государственныхъ людей.

Б А С Н Я

Дубъ къ тростнику съ вопросомъ обратился:

«Скажи-ка мнѣ тростникъ... за что ты вѣтромъ чтимъ?»

Во время бури я сломился,

А ты остался невредимъ!...

Ты тощъ и слабъ, а я и крѣпокъ и силенъ,

Въ лѣсу я гордо красовался...

И вдругъ теперь я сломанъ, поврежденъ,

А ты... ты цѣлъ остался».

На это дубу отвѣчалъ тростникъ:

„Подъ вѣтромъ гнуться я привыкъ“.

Сей басни смыслъ и простъ и зрѣлъ:

Пониже гнись и будешь цѣлъ.

Чорный Скорпионъ. X

ПО ВОЛНАМЪ ЖИТЕЙСКАГО МОРЯ

... Недавно тифлисскія газеты, съ „Кавказомъ“ во главѣ, были наполнены разсужденіями о томъ, что дѣлать съ безхозяйными и бродячими собаками и какими мѣрами усладить горькую участь сиротъ собачьяго происхожденія. Писали по этому поводу и господа ветеринары, эти специалисты по части „животныхъ недуговъ“; печатали отзывы и члены скотолобиваго общества; разражались увлекательными, прочувствованными статьями и обыкновенные граждане, принимающіе близко къ сердцу интересы безсловесной части нашего населенія. Возбудилось даже оживленная полемика, предметомъ которой были все тѣ же собаки. Словомъ тифлисская пресса на столько ревностно занялась разработкой собачьяго вопроса, что нельзя, было не сказать по этому поводу слѣдующаго экспромта:

Теперь, когда столичная печать

Духъ человѣка силится поднять,

Стараясь факеломъ прогресса

Густой разсѣять мракъ, —
Тифлисская трактуетъ пресса
Объ участи собакъ.

При такихъ дружныхъ усиліяхъ, само собою разумѣется, собачій вопросъ былъ исчерпанъ до дна. Всѣ думали и говорили о безхозяйныхъ собакахъ, но никто не подумалъ и никто не заговорилъ о „безхозяйной дорогѣ“. Вы удивлены, читатель... Вы не можете себѣ представить возможности безхозяйной дороги, а между тѣмъ таковая существуетъ съ незапамятныхъ временъ, существуетъ подъ самымъ вашимъ носомъ. Эта сирота-дорога называется Коджорскимъ подъемомъ. Она соединяетъ Коджорскую улицу съ Коджорскимъ шоссе. Городъ Тифлисъ не желаетъ заботиться объ этой дорогѣ, доказывая, что она принадлежитъ казнѣ; казна оставляетъ безъ всякаго надзора несчастную сироту, оправдываясь тѣмъ, что она составляетъ собственность города. Такимъ образомъ всѣми покинутая безхозяйная дорога остается брошенной на произволъ судьбы и влачить свое жалкое существованіе, немилосердно мозоля наши глаза и ломая намъ бока. Стоитъ она необрунная, грязная, испещренная ямами и камнями; стоитъ одинокая, всѣми оставленная, никѣмъ не призрѣнная!.. Проѣзжаютъ по ней ежедневно съ опасностью жизни нѣсколько десятковъ человѣкъ; надрываются ежедневно на ея крутизнахъ нѣсколько десятковъ лошадей и никто, рѣшительно никто не сжалился надъ бѣдной сиротою, не подаль ей руки помощи. Заявилъ только совершенно холодно какой-то инженеръ, что на радикальное излѣченіе несчастной, не помящей родства, дороги потребуется не менѣе 50 тысячъ... Но кто-же дастъ эти 50 тысячъ круглой сиротѣ?! Теперь вѣдь не время такихъ добродѣтельныхъ пожертвованій,

Неужели-же въ самомъ дѣлѣ никто не заступится за эту дорогу?! Ужъ если нико-

му не дороги теперь интересы людей и бока обывателей, то по крайней мѣрѣ, хоть бы наше „Общество покровительства животнымъ“ ради облегченія участи лошадей вошло куда нибуль съ представленіемъ о томъ, чтобы хоть кто нибуль усыновилъ эту незаконно-рожденную дорогу.

**

Нельзя сказать, чтобы и къ законнымъ своимъ дѣтямъ наша дума особенно заботливо относилась. Объ ихъ воспитаніи и чистоплотности она думаетъ очень мало. Грязная и неумытая дѣти нашей думы производятъ на публику самое печальное впечатлѣніе. Возьмемъ для примѣра шоссе Михайловской улицы, по которому нашъ „большой свѣтъ“ ежедневно стремится въ свой Булонскій лѣсъ. Шоссе это самымъ неблаговоспитаннымъ образомъ покрываетъ бѣдкою пылью модныя шляпки и пелеринки разряженныхъ дамъ. Въмѣсто чистаго воздуха въ несчастную грудь катающихся сыпится цѣлая куча самаго разнообразнаго сора. Неужели же мать-дума не можетъ заставить няньку-управу умыть Михайловскую улицу!.. Мы еще можемъ помириться съ тѣмъ, чтобы господа гласные пускали намъ пыль въ глаза въ засѣданіяхъ думы, но положительно возстаемъ противу того, чтобы пыль намъ пускалась въ глаза на улицахъ. Вѣдь есть же при управѣ какая-то замысловатая машина для поливанія улицъ или можетъ быть машина эта засорилась и нѣтъ денегъ для ея исправленія. Въ такомъ случаѣ можно только пожалѣть, что засорилась эта машина, а не говорильныя машины господъ гласныхъ. Во всякомъ случаѣ надувать легкія гражданъ пылью—не особенно красивое дѣло.

**

Такъ какъ рѣчь зашла о „надуваньи“, то нельзя не сказать нѣсколько словъ о тифлисскихъ весеннихъ скачкахъ. Скачки эти были результатомъ частной предприимчивости, которая, къ сожалѣнію, всегда у насъ идетъ рука объ руку съ публичнымъ обманомъ. Иѣкосму г. Науменько пришла на

умъ счастливая мысль: назначить изъ собственныхъ своихъ суммъ денежныя призы, дабы, возбуждѣвъ въ владѣльцахъ лошадей желаніе получить таковыя, заставить ихъ пустить своихъ россинантовъ на скачку. На умѣ у г. Науменко въ данномъ случаѣ былъ, разумѣется, только одинъ весьма выгодный и лишенный всякаго риска гешефтъ. Онъ рассчиталъ, что отъ продажи мѣсть въ ипподромѣ получится сумма несравненно большая, чѣмъ всѣ его призы вмѣстѣ взятыя. Задумано — сдѣлано. Расклеиваются по городу афиши, извѣщающія о тифлисскихъ весеннихъ скачкахъ, имѣющихъ быть 24, 25 и 31 мая и о призахъ г. Науменко: одинъ въ 300 и прочіе въ 200 и менѣе рублей. Каждый призъ обозначенъ особымъ громкимъ названіемъ: „Воронцовскій призъ“, „Талызинскій призъ“, „призъ Мунштайдъ“, и т. д. Для скачки 24 мая назначены были два приза. „Дидубе“ въ 200 рублей и „спеціальный“ въ 100 рублей. Въ этотъ прекрасный воскресный майскій день на скаковой кругъ къ пяти часамъ собрались массы публики и громадное расфранченное общество помѣстилось въ мѣстахъ ипподрома. Дабы дать читателю возможность уразумѣть приблизительно какую кругленькую сумму долженъ былъ собрать г. Науменко съ продажи въ этотъ день мѣсть въ ипподромѣ, мы приводимъ назначенныя имъ цѣны на мѣста: ложи верхняго яруса—7 руб., нижняго—10 руб.; диваны 4 р., кресла 3. Стулья—2 руб.; мѣста на скамейкахъ по 1 рублю, 40 коп. и 30 коп. и за входъ въ скаковой кругъ 1 руб. Таковыхъ почтенныхъ по дороговизнѣ и теплыхъ для г. Науменко мѣсть въ ипподромѣ множество и почти всѣ они были заняты, такъ какъ ипподромъ былъ переполненъ публикой. Такимъ образомъ самымъ крупнымъ изъ всѣхъ призовъ оказался призъ „Наумовскій“, „Себѣвкарманный“. Что же получила публика, заплатившая оперныя цѣны за мѣста? Вся скачка продолжалась часъ. На призъ въ 200 рублей скакало 7 плохихъ лошадей; на „спеціальный“ призъ въ 100 рублей скакалъ только одинъ мальчикъ-татаринъ на „только одной“ худой, сброй лошади. Многіе изъ публики держали пари, что никакая другая лошадь, а именно эта „одна“ придетъ первая къ флагу. Маленькій фздокъ на полпути свалился, но потомъ опять съѣлъ и благополучно доѣхалъ до мѣста отправления. Въ теченіи получаса игралъ „въ кругу“ хоръ военной музыки. Вотъ и все, за что г. Науменко получилъ „Себѣвкарманный призъ“. Обманутая публика поняла въ чемъ дѣло и сконфуженная собственною своею несообразительностью, молча разошлась изъ ипподрома ловкаго гешефтмейстера. Само собою разумѣется, что публика вторично на удочку не далась и 25 мая ипподромъ былъ совершенно пустъ. Но это обстоятельство нисколько не смутило г. Науменко. Несмотря на то, что лошади ска-

кали и что распорядители скачекъ требовали уплаты выигравшимъ обѣщанныхъ призовъ г. Науменко объявилъ, что, *по случаю дурного сбора никакихъ призовъ онъ платить не будетъ и не заплатилъ*. Очевидно, что г. Науменко не любитъ рискованныхъ предпріятій. Онъ дѣйствуетъ навѣрняка. Когда сумма призовъ составила лишь часть полученнаго дохода, онъ заплатилъ призы; когда-же сборъ былъ меньше суммы призовъ, онъ ихъ не заплатилъ, а сборъ за мѣста взялъ себѣ въ карманъ. Затѣвая дѣло, онъ очевидно такъ именно и предполагалъ дѣйствовать, вовсе не желая рисковать. При такихъ порядкахъ удивительно то, что платки въ карманахъ у зрителей остались цѣлы. Въ итогѣ оказалось, что надули и публику, и владѣльцевъ лошадей. Теперь спрашивается, что-же такое (се это дѣло?... Умная-ли частная предпріимчивость или-же наглій публичный обманъ?...

VIVAT СТАТИСТИКА

Одинъ статистики любитель
О пьянствѣ изучалъ вопросъ,
И фактъ какой, узнать хотитель,
Ему замѣтить привелось?
Межъ холостыхъ стократъ сильнѣе
Повсюду пьянство развито,
Чѣмъ въ мрачномъ царствѣ Гименея.
Чѣмъ объяснить возможно то?
Не тѣмъ далеко, что женатый
Имѣетъ болѣе заботъ
И, какъ огня, боясь затраты,
Въ кабакъ доходовъ не снесетъ!
Скорѣе вотъ причина эта:
Напитка сила такова,
Что вмѣсто каждаго предмета
Всегда ихъ видитъ пьяный два,
Взамѣнъ одной жены сварливой
Глядѣтъ на двухъ подобныхъ женъ...
Ей-ей, такую перспективой
Не всякій будетъ увлеченъ!...

Гейне изъ Харькова.

ТОРЖЕСТВУЮЩАЯ СВИНЬЯ

или

РАЗГОВОРЪ СВИНЬИ СЪ ПРАВДОЮ

(„За рубежемъ“ Щедрина „Отеч. Записки“, май 1881 года).

Дѣйствующія лица: Свинья, разбѣвшея животное; щетина ошерилась и блеститъ, вслѣдствіе безпрерывнаго обхожденія съ хлѣвной жидкостью. Правда, особа, которой, по штату, полагается быть вѣчно-юною, но уже изрядно побитая. Прикрыта, лохмотьями, свинзою, которая просвѣчиваетъ классическій полный мундиръ, т. е. нагота. Дѣйствіе происходитъ въ хлѣву.
Свинья (кобенится). Правда-ли, сказываютъ, на небѣ-де солнышко свѣтитъ?
Правда. Правда, свинья.
Свинья. Такъ-ли полно? Никакихъ я солнцевъ, живучи въ хлѣву, словно не видывала?
Правда. Это оттого, свинья, что природа приговаривала: не видать тебѣ, свинья, солнца краснаго!

Свинья. О-ли-ли? (Авторитетно). А такъ всѣ эти солнца—одно лжеученіе...
Правда безмолствуетъ и сконфужено поправляетъ лохмотья. Въ публикѣ раздаются голоса: правда твоя, свинья! лжеученіе! лжеученіе!

Свинья (продолжаетъ кобениться). Правда-ли, будто въ газетахъ печатается: свобода-де есть драгоцѣннѣйшее достояніе человѣческихъ обществъ?

Правда. Правда, свинья.

Свинья. А по моему, такъ и безъ того у насъ свободы по горло. Вотъ я безотлучно въ хлѣву живу—и горюшка мало! Что мнѣ! Хочу—рыломъ въ корыто уткнуся; хочу—въ навозѣ кувиркаюсь... какой еще свободы нужно! (Авторитетно). Измѣнники вы, какъ я на васъ погляжу... ась?

Правда вновь старается прикрыть наготу. Публика гогочетъ: „правда твоя, свинья, измѣнники! измѣнники!“ Никоторые изъ публики требуютъ, чтобы Правду отвели въ участокъ. Свинья самолично хрюкаетъ, сознавая себя на высотѣ положенія.

Свинья. Зачѣмъ отводить въ участокъ? Вѣдь тамъ для проформы поддержать, да и опять выпустятъ. (Ложится въ навозъ и впадаетъ въ сентиментальность). Ахъ нынче и участковые однимъ языкомъ съ фельетонистами говорятъ! Намеднись, я въ одной газетѣ вычитала: оттого-де у насъ слабо, что законы только для проформы пишутся...

Правда. Такъ ты и читаешь, свинья?

Свинья. Почитываю. Только понимаю не такъ какъ написано... Какъ хочу, такъ и понимаю!.. (къ публикѣ): Такъ вотъ что, други! Въ участокъ мы ее не отправимъ, а своими средствами... Ссылывать ее станемъ... сегодня вопросецъ зададимъ, а завтра—два... (Задумывается). Сразу не покончимъ, а постепенно чавкать будемъ... (Соня подходитъ къ Правдѣ, хватаятъ ее за икру и начинаетъ чавкать). Вотъ такъ!

Правда пожмается отъ боли; публика грохочетъ. Раздаются возгласы: „ай да свинья! вотъ такъ затѣйница!“

Свинья. Что? сладко? Ну, будетъ съ тебя! (Нерестаетъ чавкать). Теперь сказывай: гдѣ корень зла?

Правда (растерянно). Корень зла, свинья? корень зла... корень зла... (Рыщитъ и неожиданно для самой себя): Въ тебѣ, свинья!

Свинья (разсердилась). А, такъ ты вотъ какъ поговариваешь! Ну, теперь только держись! Правда-ли, сказывала ты: общечеловѣческая-де правда не въ примѣръ превосходитъ?

Правда (стараясь изловчиться). Хотя, при извѣстныхъ условіяхъ жизни, невозможно отвергать...

Свинья. Нѣтъ, ты хвостомъ не верти! Мы эти момо-то слыхивали! Сказывай прямо: точно-ли, по мнѣнью твоему, есть какая то особенная правда, которая превосходитъ?

Правда. Ахъ, свинья, какъ измѣнически подло...

Свинья. Ладно; объ этомъ мы послѣ поговоримъ. (Наступаетъ плотнѣе и плотнѣе). Сказывай дальше. Правда ли, что ты говорила: законы-де одинаково всѣхъ должны обезпечивать, потому-де что, въ противномъ случаѣ, человѣческое общество превратится въ хаотическій сбродъ враждующихъ элементовъ... Объ какихъ это законахъ ты говорила? По какому поводу и кому въ поученіе, сударыня, разглаговствовала? ась?

Правда. Ахъ, свинья!

Свинья. Нечего мнѣ „свиньей“-то въ рыло тыкать. Знаю я и сама, что Я—Свинья, а ты—Правда... (Хрюкаетъ свиньи звучитъ ироніей). А ну-тка, свинья, положи-ка правду! (Начинаетъ чавкать. Къ публикѣ). Любо, что-ли, молодцы?

Правда корчится отъ боли. Публика приходить въ неистовство. Слышится со всѣхъ сторонъ: „Любо! Нажмай, свинья, нажимай! Глажи ее! чавкай! Ишь видъ, распостылая, еще разговаривать вздумала!“

Барина, которому противъ жить, можетъ, она говоритъ,
у тебѣ свой нечаянно карсетъ забылъ. Давай пожалуйста!

Тифлисскія весеннія скачки.

РЕБУСЪ.

ein, ein, ein
 ein, ein, ein
 ein

КАРТЫ

(ИЗЪ ВЕРАНЖЕ)

Пока съ молитвой засыпаетъ
У камелька старушка мать,
Что въ жизни дочку ожидаетъ,—
Хочу на картахъ загадать.
Пугаетъ мама — сатаню!
Но молодымъ не страшень адъ.
Вѣдь мнѣ не вѣчно быть швеею!
А карты правду говорятъ.
Да, правду, правду говорятъ.

**

Любовь, дитя, иль бракъ законный
Мнѣ предназначены судьбой?
А! вотъ женихъ мой нарѣченный—
Валеть бубенъ! Но Боже мой,
Онъ для другой мнѣ измѣняетъ!
Я слезы лью: злодѣй женать!
Я—въ монастырь;—монахи таятъ..
А карты правду говорятъ,
Да, правду, правду говорятъ.

**

Моими тронулся слезами
Извѣстный принцъ - король бубенъ.
Сперва мы рѣчь ведемъ глазами;
Но вотъ меня увозить онъ.
Ему легко всего добиться:
Кого подарки не прельстятъ?
Я почью съ нимъ почти царица!!!
А карты правду говорятъ,
Да, правду, правду говорятъ.

**

Со мной въ деревню онъ уѣхалъ;
Но тутъ успѣли донести,—
Что вслѣдъ за мной брюнетъ пріѣхалъ...
Раскрылось все: мой принцъ—прости!
Другихъ десятковъ появился.
Одинъ былъ добръ и глуповатъ:
Я не сдалась—и онъ женился.
А карты правду говорятъ,
Да, правду, правду говорятъ.

**

Вотъ мѣсяцъ кончился медовый,
И я въ Парижѣ веселюсь.
Теперь мой другъ—король треффовый!
Супругъ ворчитъ; а я смѣюсь.
Что-жъ дальше? Пиковая дама.
Всѣ отъ старухи прочь сбѣгать!
Ужель то я?! Нѣтъ, это—мама!...
А карты правду говорятъ,
Да, правду, правду говорятъ!

Иванъ — да — Марья.

ВЪ ВОКЗАЛѢ И ВЪ ВАГОНѢ

„Слышали? Катковъ то, каковъ, а? въ министры!“

— Ну, въ министры, не въ министры, а въ откупщики по продажѣ книгъ на желѣзныхъ дорогахъ Михаилъ Никифоровичъ по-

паль, это точно. Теперь на станціяхъ кромѣ „Московск. Вѣдомостей“ и „Русскаго Вѣстника“ вы ничего не купите.

„Нѣтъ ужъ этого не будетъ, чтобъ я читала „Московскія Вѣдомости“! Да если здѣсь нѣтъ другихъ газетъ, такъ я не только ничего не куплю, но скандалъ еще устрою. Да что-жъ это такое въ самомъ дѣлѣ! (горячился говорившій). Да разгѣ эдакъ возможно! Вѣдь это неприлично, наконецъ, навязывать свою газету насильно! Нѣтъ, я такъ этого не оставлю“.

И говорившій, высокій красивый блондинъ, быстрыми и первыми шагами направился къ книжному шкафу и потребовалъ „Порядокъ“, „Голосъ“, „Страну“, „Курьера“ и „Новости“.

„Не держимъ“, лаконически отрѣзавъ продавецъ. „Вотъ, не угодно-ли „Московскія Вѣдомости“.

— „Московскихъ Вѣдомостей“ мнѣ не угодно, а мнѣ угодно чтобъ у васъ были тѣ газеты, которыя я читаю.

„Другихъ нѣтъ-съ. Да и какъ-же это возможно, чтобы вмѣсто своихъ, мы держали чужія. Не за этимъ-же мы шкапы сымали“ отвѣчалъ съ убѣдительною улыбкой продавецъ.

Блондинъ вскипятился. „Такъ вотъ на какія штуки арендаторъ московской газеты пускается! Хорошо-же! Господа, приглашаю протестовать противъ этой наглої эксплуатаціи!“

На приглашеніе блондина явился прежде всѣхъ жандармъ и заявилъ, что „мутить“ пассажировъ не дозволено, а что для претензій есть жалобная книга...

Блондинъ потребовалъ книгу и записалъ жалобу; потомъ зашелъ въ телеграфную комнату и отправилъ г. Каткову телеграмму. Въ это время жандармъ, начальникъ станціи и какая-то новая „личность“ отправились съ жалобной книгой въ комнату начальника станціи.

Когда пассажиры усаживались въ вагоны, новая „личность“ замѣтила въ какой вагонъ сѣлъ блондинъ, и вскочила въ тотъ же вагонъ, когда поѣздъ тронулся.

Знакомый, говорившій о министерствѣ Каткова, толкнулъ блондина локтемъ и указалъ глазами на вошедшаго. Это замѣтили и другіе пассажиры и всѣ глаза устремились на него. Воцарилось неловкое молчаніе.

Блондинъ не выдержалъ: „что-жъ это, господа, и Катковъ уже сталъ „неприкосновеннымъ“, а“?

Ему никто изъ пассажировъ не отвѣтилъ. Только колеса бѣгущаго поѣзда отчетливо стучали: да, да, да, да, да...

Ив. Благонадежный.

ЗАМѢТКИ И АФОРИЗМЫ

Какъ бы ни была вѣрна жена мужу, она всегда грѣшитъ противъ него желаньемъ нравиться всѣмъ и каждому.

**

Роскошь—ливрея рабовъ фортуны.

**

Улыбка—это разумъ смѣха.

**

Умнаго человѣка губить сомнѣнье въ томъ, что онъ недостаточно уменъ.

**

Невинный отъ преступника отличается иногда только недостаткомъ смѣлости.

**

Дурной отзывъ о другихъ мы зовемъ злословіемъ; такой же отзывъ о насъ самихъ—клеветою.

**

Порочны люди всѣ одинаково, а добродѣтельны—каждый по своему.

**

Надо много ума, чтобы не говорить умно въ ущербъ сердцу.

Перевелъ и записалъ

Иванъ—да—Марья.

ИЗЪ КЛАДЕРАДАЧА

Гигантская побѣда надъ Тунисомъ.

(Въ модномъ Парижскомъ стилѣ)

Міръ, внимай и удивляйся!

Страшный Тунисъ, тотъ самый древній Карфагенъ, завоеваніе котораго стоило нѣкогда Римлянамъ потоковъ крови,—покоренъ Франціей. Блестательно заглаженъ Седанскій промахъ; престижъ Франціи возстановленъ и она снова заняла свое прежнее мѣсто во главѣ всѣхъ націй.

Широкий успѣхъ достигнутъ, великія дѣянія совершены.

Неисчислимыя сокровища, многія сотни быковъ, достались въ руки славныхъ и великодушныхъ побѣдителей.

Занятіе Табарки составляетъ крупную эпоху во всемірной исторіи.

Море буневало, Англія скрежетала, Италія роптала, Левъ пустыни становился на дыбы! Но Франція не дрогнула. Она шла впередъ, не оглядываясь и бей долженъ былъ сдаться. Съ разбитой головой сраженный левъ на лоно пустыни.

Что можетъ быть страшнѣе невидимаго врага? На видимаго врага можно напасть; можно побѣдить его оружіемъ, можно противъ него обороняться; противъ невидимаго же врага ничего нельзя предпринять. Тунисскій врагъ былъ, такъ сказать, невидимъ. Только на отдаленномъ горизонтѣ рисовалось нѣсколько человѣкъ кривыхъ, но и тѣ были, кажется, плодомъ воображенія побѣдителей. И этого то невидимаго, и потому вдвойнѣ опаснаго врага—Франція разъ, два, три—и уничтожила.

Съ тѣхъ поръ какъ стоитъ міръ, ни одна война не была окончена столь славной побѣдой. Съ гордостью Франція можетъ сказать: пришла, (ничего не увидѣла и побѣдила).

ДОБРЫЙ СОВѢТЬ

Не робѣй, забудь тревогу
Смѣло свататься пойдемъ
И невѣсту, безъ сомнѣнья,
Скоро въ церковь поведешь.

Не жалѣй оркестру денегъ:
Пусть играетъ до зарю;
Расцѣлуй родныхъ супруги,
Мысля: чортъ васъ побери!..

Не хули властей и женщинъ,
Осуждать остерегись
И, убивъ свинью, заравъ
Колбасами не хвались.

Зудь почувствуешь ты въ тѣлѣ,
Незамѣтно почешись;
Башмаки жмутъ сильно ноги,
Тотчасъ въ туфли облекись.

Не брани жену ты съ сердцемъ,
Если супъ пересолить,
Но тверди: „Обѣдъ твой, душка,
Возбуждаетъ аппетитъ“.

Шаль она купить попроситъ
Ты двѣ шали ей купи,
Въ кружева ее закутай,
Бриллиантовъ нацѣпи.

Если мой совѣтъ исполнишь,
То, мой другъ, не пропадешь,
Тамъ, на небѣ рай увидишь
На землѣ-жъ покой найдешь.

Дж. М. — вѣ.

428.
ис-фаланга
ЗА ДОБЫЧЕЙ

Нѣтъ сомнѣнія, вы когда нибудь да были влюблены, дорогой мой читатель! Не сомнѣваюсь, также въ томъ, что избранная вами особа была прелестна во всѣхъ отношеніяхъ: хорошенькая, умненькая, говорила остро, занимательно, и вы, конечно увлекались ея рѣчами. Вообразите-жъ, что въ самый разгаръ вашей горячей любви, любимая особа куда-то уѣхала и вы надолго разстались съ нею, сохранивъ о ней самыя восторженные воспоминанія. Вдругъ, лѣтъ эдакъ черезъ десять, вы получаете отъ этой особы письмо, въ которомъ она васъ извѣщаетъ, что вернулась и назначаетъ вамъ свиданье. Боже, какъ должно забиться ваше, порядкомъ уже истрепанное, сердце. Съ какимъ волненіемъ вы ждете часа этого свиданья. Ну, какова она теперь, думаете вы, насколько она перемѣнилась, развилась, стала умнѣе?.. Эти неотвязчивые вопросы преслѣдуютъ васъ, не даютъ вамъ покоя. Наконецъ вы пришли, и къ удивленію находите, что она несколько не перемѣнилась, осталась такою же хорошенькою; даже «рука времени» не успѣла коснуться ея прекраснаго лба,—ни одной морщинки! Открываетъ она ротъ, и вы слышите тотъ же гармоничный голосъ. Прислу-

шиваетесь — и мучительное сомнѣніе гложетъ вамъ сердце: — вѣдь эти самыя фразы она говорила мнѣ десять лѣтъ тому назадъ, думаете вы. Ждете — не скажетъ-ли она чего нибудь новаго, свѣжаго, подходящаго, но напрасно. Все знакомо, все старо, вы даже знаете, что она скажетъ дальше... Въ концѣ концовъ все это страшно надоѣдаетъ вамъ и васъ невольно одолеваетъ протяжный зѣвокъ...

Нѣчто подобное случилось со мною на послѣднемъ грузинскомъ спектаклѣ. Когда я прочелъ на афишѣ имя кн. Ил. Чавчавадзе, сердце у меня забилося, какъ у влюбленнаго. Новое произведеніе Чавчавадзе! Вѣдь это праздникъ для любителя грузинской литературы! Ну, а кто изъ насъ въ молодости не былъ влюбленъ въ Ил. Чавчавадзе! Съ какимъ восторгомъ, ждали мы въ оны дни его стиховъ, его прозы? И что же? Вотъ уже лѣтъ десять какъ онъ пересталъ писать, и вдругъ теперь дебютируетъ на новой литературной аренѣ! Понятно, съ какимъ любопытствомъ ждала публика бенефиса талантливой артистки, г-жи Габуніи, на которомъ мы въ первый разъ должны были узрѣть «Сваху», комедію (?) въ 2-хъ дѣйствіяхъ, передѣланную кн. Чавчавадзе изъ его же повѣсти «Развѣ это человѣкъ»? Нѣтъ ничего хуже театральной пьесы, передѣланной изъ повѣсти или романа. Нужно имѣть специально сценическій талантъ, какъ у Ал. Дюма, чтобъ передѣлка удалась, а человѣкъ, незнакомый со сценой, положительно не долженъ браться за такой трудъ, непосильный даже для атлетовъ сцены...

О самой пьесѣ нечего много говорить. Собственно говоря это — не комедія, а рядъ сценъ, страдающихъ страшными длиннотами. Въ первомъ актѣ сваха, въ продолженіи всего дѣйствія, длаящаяся слишкомъ часъ, не сходитъ со сцены. Положимъ, все что она говоритъ, очень типично, остроумно... Дѣйствующія лица очерчены мастерскою рукою и говорятъ на чисто грузинскомъ языкѣ, — вотъ главное достоинство пьесы. Такимъ чисто-грузинскимъ языкомъ пишутъ только Ил. Чавчавадзе, да Рафаэль Эростовъ. Чѣмъ то самобытнымъ, чисто народнымъ, вѣтъ отъ этаго языка. Спасибо хоть за это.

На этомъ литературномъ праздникѣ, собрались представители всѣхъ націй. Присутствовали даже корреспондентъ какой-то нѣмецкой газеты, конечно, ни слова не смыслившій по грузински. Армянская интеллигенція также имѣла своего представителя. „Какими судьбами попали вы сюда, рѣдкій гость?“ спрашиваю редактора одного армянскаго журнала. „Какъ какими судьбами?.. вѣдь сегодня идетъ пьеса Ил. Чавчавадзе. Любопытно взглянуть“...

Я все время внимательно слѣдилъ за иностранными гостями грузинскаго театра. Сначала они слушали напряженно, но скоро на-

чали скучать и подъ конецъ принялись закрывать ротъ руками, чтобъ не выдать, виновнаго „зѣвка“! „Ну что, какъ?“ спрашивалъ я послѣ каждаго дѣйствія и получалъ вынужденно утѣшительныя отвѣты, точь въ точь какъ хозяинъ, который пригласилъ гостей на обѣдъ, похваставшись искусствомъ своего повара, и вдругъ видитъ, что поваръ подаль провалившійся кремъ. Каждый старается утѣшить хозяина, говоря, что это дѣло случая, что несмотря на неудавшуюся форму, кремъ превкусный и т. д. Но хозяинъ понимаетъ, что это просто любезная вѣжливость и больше ничего.

Выше я замѣтилъ, что Ил. Чавчавадзе пересталъ писать. Выраженіе это далеко не вѣрно. Онъ пересталъ создавать, но писать онъ не переставалъ. Дѣятельность его въ послѣднее десятилѣтіе напоминаетъ мнѣ фокусъ съ пѣтухомъ, выдѣлываемый мальчишками и называемый „волшебнымъ кругомъ“. Начертать на землѣ кругъ мѣломъ, поймать пѣтуха и заставить его долго, пристально смотрѣть на этотъ кругъ; пѣтухъ „гипнотизируется“, не можетъ двинуться съ мѣста, не можетъ выйти изъ „волшебнаго круга“.

Тоже самое происходитъ и съ Ил. Чавчавадзе. Вотъ ужъ почти десять лѣтъ мы служимъ удрученными свидѣтелями того глубоко грустнаго явленія, какъ талантливый нѣкогда писатель, бьется, какъ рыба объ ледъ, и ничего не можетъ создать. Никакъ не можетъ онъ выйти изъ „волшебнаго круга“ своихъ старыхъ созданий: „Кація—адаміани?“ („Развѣ это человѣкъ“), „Разсказъ нищаго“ „Тѣнь“ — вотъ все, что воображеніе его создало. Теперь онъ занимается „портняжествомъ“ кроить, перекраиваетъ, шьетъ бѣлыми нитками, и все напрасно. „Литературный старьевщикъ“ бесплодно гонится за успѣхомъ... Возьмите, напр., хоть его поэму „Тѣнь“. Какой грандіозной, широкой задачей задался ея авторъ, въ началѣ 60-хъ годовъ, когда началъ писать свою поэму! И что же? Какъ онъ ее закончилъ? Какъ то банально; связалъ прекрасныя строфы, написанныя съ юношескимъ пыломъ, какими то холодными, ходульными фразами, скомкалъ все это наскоро, склеилъ и сбиль съ рукъ, точно его кто торопилъ! Или возьмемъ хоть его теперешнюю «Сваху». Къ чему она написана, для чего она передѣлана, зачѣмъ она поставлена на сцену? Вотъ вопросы, на которые вы не дождетесь отвѣта.

Еще неудачнѣе его публицистическая дѣятельность. По какому то странному стеченію обстоятельствъ, этотъ неопитъ журналистики, считаетъ себя великимъ политико-экономомъ. Но дѣло въ томъ, что, начавъ статью, онъ никакъ не можетъ ее докончить. Примѣръ — хизанскій вопросъ. Начавъ съ сотворенія міра, онъ добрелъ до острова Цейлона и окончателно застрялъ на немъ!..

Мнѣ часто приходитъ въ голову мысль: неужели такъ трудно „поставить точку?“ Неужели не лучше замолчать, „завершивъ въ предѣлѣхъ земномъ все земное“, чѣмъ вертѣться какъ бѣлка въ колесѣ, и дѣлать весь міръ свидѣтелемъ своего творческаго безсилія! Лучше сидѣть сложа руки, прикрывая старыми лаврами новую свою духовную немощь, чѣмъ работать безъ пользы и слѣда. Грустно, тяжело, прійдти къ обидному сознанию, что ты, какъ выразился великій грузинскій поэтъ, „мертвецъ межъ живыми; живешь съ людьми, а людямъ пользы не приносишь!“ Но необходимо иногда умѣть переносить и обиды, съ истинно христіанскимъ смиреніемъ.

Въ Юридическомъ Обозрѣніи отмѣченъ слѣдующій характерный фактъ изъ аппеляціоннаго производства въ тифлисской судебной палатѣ:

„Одинъ изъ защитниковъ подсудимаго просилъ палату дополнить прочтенные ему вопросы по его замѣчаніямъ. Палата признала его замѣчанія уважительными.

„Тогда предсѣдатель Оголинъ, взявъ въ руки карандашъ и положивъ передъ собою чистый листъ бумаги, предложилъ защитнику продиктовать ему редакцію новаго вопроса, который онъ предполагилъ къ постановкѣ. Защитникъ заявилъ, что онъ исполнилъ свою обязанность, высказавъ содержаніе вопроса, что-же касается редакціи, то таковую онъ предоставляетъ усмотрѣнію палаты. На это предсѣдатель ему сказалъ: „на основаніи какой статьи вы требуете, чтобы палата редактировала вопросы, которые она ставитъ по вашему желанію?“

АЛЬБОМЪ КУРЪЕЗОВЪ

Въ послѣднее время у насъ, въ Тифлисѣ, вошли въ моду театральныя рецензіи, съ пафосомъ восхваляющіе всѣхъ дѣятелей сцены, начиная съ режиссера и кончая ламповщи-

комъ. Рецензентъ „Кавказа“ откровенно заявляющій, что онъ въ первый разъ видитъ на сценѣ «Злобу дня», „Грозу“ и чуть ли не „Ревизора“, приходитъ въ умиленіе отъ игры артистовъ труппы г. Пальма, а репортеръ „Кавказскаго Курьера“ впадаетъ въ состояніе ..... восторга при одномъ воспоминаніи о прелестяхъ Семейнаго Сада. Но восторженный тонъ всѣхъ этихъ рецензій ничто въ сравненіи съ благоухающимъ пафосомъ, которымъ наполнена корреспонденція изъ Кутаиса о концертѣ г-жъ Деккеръ-Шенкъ, Федоровой и г. Раттиль. Корреспонденція эта, помѣщенная въ № 106 „Кавказскаго Курьера“, на столько патетична, что мы сочли нужнымъ украсить отрывками изъ нея нашу Альбомъ куръезовъ.

Мы въ первый разъ имѣли удовольствіе видѣть г-жу Федорову. Трудно вообразить себѣ, чтонибудь граціознѣе, симпатичнѣе и милѣе этой прелестной особы, голосъ (?) которой, звучный и мягкій (?) проникаетъ въ душу. Она имѣла у насъ полный успѣхъ, вызвавшій всеобщее удовольствіе.

Господинъ Раттиль, талантливый теноръ, вполне оправдалъ блестящіе и единодушные отзывы о немъ кавказскихъ газетъ. (!!!!!)

Концертъ былъ открытъ вальсомъ, подъ названіемъ: „Лѣтніе вечера“, муз. г. Деккеръ-Шенкъ. Эта прелестная пьеска, *свѣжая и душистая, какъ весенній вечеръ*, была исполнена съ рѣдкимъ оживленіемъ.

Арія изъ Фауста: „О, дай мнѣ взглянуть“, была исполнена съ замѣчательной *интонаціей и выраженіемъ*, превосходнымъ теноромъ г. Раттиль, котораго вызывали нѣсколько разъ. Арія „Русалки“ привела въ восторгъ всю публику. Намъ остается благодарить иностранца, такъ хорошо сѣмѣвшаго передать *характеръ нашей національной музыки*.

Г-жу Федорову тифлисская публика должна помнить по спектаклямъ и концертамъ „Кружка“. Поэтому мы воздерживаемся отъ какихъ либо коментарій къ этому патетическому отрывку, такъ какъ голосъ (!?) г-жи Федоровой и интонація (!?) г-на Раттиль слишкомъ хорошо знакомы тифлисцамъ. Не понимаемъ мы только одного: какою именно національною музыкою рецензентъ считаетъ

каватину изъ Русалки, называя ея „нашею“. Какая эта музыка — французская, грузинская, татарская или еврейская? Национальнаго, русскаго въ этой каватинѣ рѣшительно ничего нѣтъ.

Затѣмъ г-жа Федорова вызвала громкіе аплодисменты исполненіемъ двухъ русскихъ романсовъ прекраснаго стиля. Эта прелестная пѣвица появилась у насъ въ видѣ майскаго цвѣтка, разливающегося кругомъ себя лучшіе ароматы весны.

Интересно знать, о какой веснѣ идетъ тутъ рѣчь? О той ли, во время которой поютъ соловьи или о той, когда квакаютъ лягушки?..

Далѣе:

Стѣны концертной залы, потрясенныя взрывомъ аплодисментовъ, могутъ засвидѣтельствовать... и проч. и проч. и проч.

Вотъ что правда, то правда!.. Кромѣ стѣнъ и васъ, г. рецензентъ, наврядъ ли еще кто-нибудь можетъ засвидѣтельствовать о прелестяхъ этого концерта. Мы сомнѣваемся, чтобы въ Кутаисѣ нашелся еще одинъ цѣнитель, который въ дѣлѣ музыкальнаго развитія стоялъ на одномъ уровнѣ со стѣнами.

Отъ редакціи

Въ прошедшее воскресенье нами было разослано слѣдующее объявленіе:

Отъ редакціи журнала „Фаланга“

Вслѣдствіе смерти художника Залѣскаго, редакція принуждена слѣдующій № 22 „Фаланги“ выпустить въ свѣтъ 6 іюня, а № 23-й—11 іюня. Въмѣсто г. Залѣскаго, редакціей приглашенъ въ Тифлисъ изъ Москвы художникъ М. Чемодановъ и приняты всѣ мѣры къ исправному выходу „Фаланги“ на будущее время.

Редакторъ-издатель ИВ. ПИТРЕВЪ.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я.

27 Мая умеръ въ Тифлисѣ отъ чихотки художникъ-карикатуристъ С. П. Залѣсскій, успѣвшій помѣстить въ „Фалангѣ“ лишь двѣ карикатуры.

До пріѣзда въ Тифлисъ Залѣсскій работалъ въ Москвѣ, въ «Будильникѣ».

Онъ пріѣхалъ въ Тифлисъ 3 мая совершенно больно и состояніе его здоровья не подавало никакой надежды на выздоровленіе.

Покойному было всего только 22 года.

Предоставляемъ изданіямъ, въ которыхъ Залѣсскій работалъ болѣе продолжительное время, сообщить о немъ и болѣе подробныя свѣдѣнія.

ВЪ ДЕПО
ГАСТРОНОМИЧЕСКИХЪ ТОВАРОВЪ
И ИНОСТРАННЫХЪ ВИНЪ

А. П. А К О П О В А

полученъ питательный шеколадъ Ретабальеръ съ представленіемъ доктора Симсона. 1—1

Дезинфекціонныя средства.

Желѣзный купоросъ, хлористая известь 100% содержания хлора, перекись марганца и карболовая кислота 40% получены въ большомъ количествѣ и превосходнаго качества въ аптекарскомъ складѣ В. И. Гривнака подъ гост. Лондонъ. (3) 30—18.

ОТКРЫТА ПОЛУГОДОВАЯ ПОДПИСКА

СЪ 1 ЮЛЯ ПО 1 ЯНВАРЯ 1882 г.

НА ХУДОЖЕСТВЕННО-ЮМОРИСТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

„ФАЛАНГА“

Выходящій въ г. Тифлисѣ еженедѣльно по воскресеньямъ.

Условія подписки: съ доставкою на домъ, на 1 годъ 8 р., на 6 мѣсяцевъ 4 р. 50 к., на 3 мѣсяца 2 р., 50 к., съ расылкою по имперіи, на 1 годъ 8 р., 50 к., на 6 мѣсяцевъ 5 р., на 3 мѣсяца 2 р., 75 к. Подписка и объявленія принимаются въ конторѣ редакціи въ гор. Тифлисѣ, на Эриванской площади, въ домѣ Харазова, № 3.